

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

доктор политических наук, заместитель директора

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: efdv2015@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-472X

ЦИТИРОВАНИЕ: Ефременко Д.В. Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 60–78.
DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Статья поступила в редакцию 24.09.2022.

Исправленный текст представлен 28.11.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются изменения в отношениях России с африканскими странами, вызванные проведением специальной военной операции (СВО) на Украине. С середины 2010-х годов и вплоть до начала СВО происходило укрепление этих отношений, ставшее особенно заметным после саммита Россия – Африка (2019). Помимо роста торговли и расширения военно-технического сотрудничества, новым значимым фактором российского присутствия в Африке стало развертывание активности частных военных компаний (например, «Группы Вагнера»). В условиях СВО взаимодействие с государствами Африки в сферах торговли и экономики пройдет через этап болезненной трансформации, вызванной санкционным давлением Запада. Ключевой проблемой при этом становится обеспечение продовольственной безопасности и предотвращение голода во многих странах Глобального Юга. Модальности рос-

сийского присутствия на африканском континенте неизбежно будут определяться общей конфронтацией между Россией и странами Запада. В более отдаленной перспективе страны Африки могут стать бенефициарами трансформации американоцентричного мирового порядка, сильным фактором ускорения которой стала СВО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, Глобальный Юг, специальная военная операция, трансформация мирового порядка, торгово-экономические отношения России со странами Африки, продовольственная безопасность, частные военные компании, информационное влияние, военно-техническое сотрудничество.

В начале весны 2022 г. в нескольких африканских городах прошли демонстрации, участники которых, размахивая российскими триколорами, приветствовали специальную военную опе-

рацию на Украине, начатую Москвой 24 февраля. Демонстрации не были слишком многочисленными, но сам факт их проведения привлек внимание на Западе, охваченном мощной волной антироссийской истерии. Почти сразу зазвучали высказывания о своеобразной «путинофилии», характерной для определенных слоев общества в африканских странах¹. Однако реальной подоплекой этих выступлений было, разумеется, не глубокое понимание причин и целей российской спецоперации, а растущее неприятие политики Запада в отношении Глобального Юга, переплетающееся с конкретными экономическими, политическими, социальными, этнорелигиозными и иными обстоятельствами в тех или иных странах и регионах африканского континента. Россия и Путин в этой оптике видятся как сила, символизирующая альтернативу контролируемому Западом миропорядку и в ряде случаев способная предложить вполне конкретные решения в интересах конкретных локальных акторов.

Гораздо более значимыми событиями, одновременно обнадеживающими для Москвы и тревожными для Вашингтона, Брюсселя и столиц бывших европейских колониальных империй, стали голосования в Генеральной Ассамблее ООН в марте 2022 г. по проекту резолюций, осуждающих действия России, когда многие африканские страны воздержались, не приняли участия в голосовании или даже высказались против. Можно сказать, что в условиях мощного политико-дипломатического давления со стороны Запада у этих государств сработал «инстинкт неприсо-

единения», связанный как с исторической памятью о влиянии советско-американского противостояния на страны третьего мира, так и с их оценкой меняющегося соотношения сил на мировой арене. По оценке А. Стент, «многие ... страны Глобального Юга рассматривают Россию как большую авторитарную страну, с которой они могут вести дела, и обвиняют Соединённые Штаты в лицемерии, учитывая прошлые войны Вашингтона во Вьетнаме, Ираке и Афганистане» [Stent, 2022]. Основные мотивации воздержавшихся при голосовании африканских стран, в том числе Южно-Африканской Республики, могут быть суммированы следующим образом:

- военные действия на Украине – это прежде всего прокси-война между Россией и США, в которой африканским государствам не следует оказывать явную поддержку ни одной из сторон;

- занимать такую позицию тем более необходимо в том случае, если одна или несколько африканских стран будут стремиться к посредничеству в данном конфликте;

- важно, чтобы отношения с Россией в сферах торговли и безопасности продолжали развиваться [Stremlau, 2022].

Вынужденная корректировка приоритетов в условиях СВО

Военное противостояние на Украине стало мощным драйвером ускоренной трансформации мирового порядка, имеющего как немедленные, так и отложенные эффекты. В силу относи-

¹ Bensimon C. Guerre en Ukraine: le Mali et la Centrafrique restent arrimés à la Russie // Le Monde. – 2022. – 12 Mars. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/03/12/guerre-en-ukraine-le-mali-et-la-centrafrique-restent-arrimes-a-la-russie_6117252_3212.html (дата обращения: 25.08.2022); Kane C. Guerre en Ukraine: "La poutinophilie d'une partie des Africains relève d'abord d'un rejet de l'Occident" // Le Monde. – 2022. – 9 Mars. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/03/09/guerre-en-ukraine-la-poutinophilie-d-une-partie-des-africains-releve-d-abord-d-un-rejet-de-l-occident_6116806_3212.html (дата обращения: 25.08.2022).

тельной удаленности Африки от театра военных действий можно сделать вывод о том, что наиболее существенные последствия СВО для стран и народов континента проявятся в среднесрочной перспективе, хотя обострение продовольственного кризиса, рост цен и драматическое перераспределение взаимодействий ключевых игроков – покупателей и продавцов – на рынках углеводородов являются важными составляющими текущей политико-экономической повестки. В дальнейшем определяющее значение будут иметь геополитические и геоэкономические изменения, связанные с ходом и итогами СВО.

С точки зрения военных действий на Украине можно рассматривать несколько среднесрочных сценариев:

- длительное затягивание военных действий в случае продолжения и дальнейшей эскалации военной и экономической поддержки Киева со стороны Запада;

- достижение долгосрочного перемирия и фиксация фактического территориального контроля сторон по линии фронта (в силу исчерпания сторонами возможностей продолжения активных боевых действий, а также нарастания кризиса в экономике, усталости избирателей в странах ЕС и США от последствий военных действий и антироссийских санкций);

- крушение нынешней украинской государственности в результате перелома на фронтах и экономического коллапса.

Менее вероятным представляется вариант развития событий, на который в начале СВО сделали основную ставку Вашингтон и Брюссель, вводя против Москвы беспрецедентные по своему масштабу санкции: взрывное нарастание социально-экономического кризиса в России в сочетании с военными неудачами, протестные выступления

в крупных промышленных центрах, подъем этнического сепаратизма, раскол элит и – в итоге – крах существующего политического режима.

Ни один из наиболее вероятных сценариев не предусматривает всеобъемлющего политического урегулирования и нормализации отношений между Россией и Западом; конфронтация, сопоставимая с самыми мрачными периодами холодной войны, останется повседневностью на протяжении многих лет, если не десятилетий. При всех сценариях будут происходить разрушение американоцентричного мирового порядка и кризис либеральной модели глобализации, но их скорость и масштаб сопутствующих потрясений будут разными.

Высока степень вероятности того, что Африка станет одной из площадок противостояния, в котором помимо Запада и России будет участвовать ряд других акторов мировой политики. В то же время это противостояние в конечном счете будет способствовать укреплению политической субъектности и влияния африканских стран как части Глобального Юга, имеющего собственные интересы и политико-экономическую повестку в условиях преобразования мирового порядка.

Формирование целостной африканской политики России, выходящей за рамки двусторонних отношений с приоритетными партнерами, долгое время оставалось благим пожеланием. Потенциал континента и перспективность сотрудничества с африканскими государствами в России признавались неоднократно, но только сочинский саммит Россия – Африка, состоявшийся 23–24 октября 2019 г., придал необходимый импульс политике России, в основе которой лежит представление о странах Африки как общности акторов, значение которых в трансформации мирового порядка постепенно воз-

растает. Саммит способствовал формированию институциональной основы сотрудничества России и африканских стран, в частности структуризации взаимодействия с Африканским союзом [Абрамова, Фитуни, 2021]. Можно сказать, что к началу 2022 г. сформировался общий рамочный подход Москвы к взаимодействию со странами Чёрного континента: «Сегодня Россия старается не рассматривать Африку как арену соперничества с США или другими недружественными центрами силы, и политика в этом регионе не мыслится как элемент глобальной игры с нулевой суммой. Она определяется в первую очередь соображениями выстраивания отношений России с самими африканскими странами, имеющими самостоятельную ценность, а также экономическими и политическими выгодами, которые можно извлечь» [Маслов, Суслов, 2022, с. 130].

Данный подход не всегда выдерживался Москвой безусловно: в ряде случаев в качестве доминанты сохраняется особая традиция отношений с отдельной страной или группой стран. Отношения с Египтом, странами Большого Магриба, а также с Суданом одновременно с полным основанием рассматриваются в ракурсе российской вовлеченности в дела Ближнего Востока и взаимодействия с арабским миром. Следует учитывать также, что сотрудничество с некоторыми государствами становится объектом особого внимания тех или иных российских групп влияния, в том числе госкорпораций и крупных негосударственных компаний (например, «Газпрома» в Алжире, «Алросы» – в Зимбабве и Анголе, «Русала» – в Гвинее и т. д.), частных военных компаний и стоящих за ними силовых структур и т. д.

Однако более существенно, что после начала СВО и развертывания многообразных форм гибридного противо-

стояния между Россией и Западом сохранить в неизменном виде такой подход в отношении Африки уже не получится. Даже если Россия по-прежнему хотела бы рассматривать свое присутствие на африканском континенте вне зависимости от конфронтации с Западом, другая сторона действует в логике игры с нулевой суммой, и теперь эта логика транслируется и на удаленные от украинского театра военных действий регионы. Дискредитация, обнуление присутствия и влияния России в той или иной африканской стране становятся для Запада желанной целью, имеющей (по крайней мере, применительно к самому макрорегиону) высокий уровень приоритетности. В свою очередь российскому руководству придется калькулировать последствия тех или иных шагов на африканском континенте с точки зрения их возможного влияния на достижение тактических или стратегических целей на постсоветском пространстве, а также сохранения статуса России как одного из важнейших суверенных акторов системы международных отношений, укрепляющего свои связи со странами Глобального Юга.

Деолларизация торговли и поиск оптимальных форматов экономического сотрудничества

В условиях СВО курс на экономизацию отношений с африканскими странами при усилении внимания к инвестиционному сотрудничеству и технологической кооперации подвергнется вынужденным изменениям из-за западных санкций. Радикальное сокращение возможностей вести торговлю в долларах и других западных валютах приведет к тому, что основным платежным средством с высокой степенью

вероятности станет китайский юань. Иначе говоря, даже при отсутствии серьезной координации между Москвой и Пекином на африканском континенте торгово-экономическое сотрудничество России и африканских стран внесет вклад в расширение китайского экономического присутствия в Африке.

На данный момент не вполне ясны возможности расширения экономического сотрудничества России и ряда африканских стран под эгидой китайской инициативы «Один пояс – один путь». Структуризация такого сотрудничества могла бы способствовать эволюции данной инициативы в направлении новой глобальной платформы для поддержки торговли, инвестиций, логистики и технологического развития, свободной (или имеющей высокий уровень автономии) от институтов Вашингтонского консенсуса. Однако для такой эволюции необходима определенная коррекция первоначального замысла данной инициативы, в том числе преодоление установки на то, что любой значимый проект сотрудничества обязательно санкционируется в Пекине.

Форматы БРИКС и БРИКС+ играют весьма позитивную роль с точки зрения развития отношений России с африканскими странами. Прежде всего, включение в этот клуб Южно-Африканской Республики окончательно превратило Преторию в привилегированного партнера Москвы на континенте. По сути, ЮАР стала одной из основных «точек входа» России в Африку, по крайней мере, к югу от Сахары. Председательство ЮАР в группе позволяет каждые пять лет оценивать уровень и перспективы взаимодействия ее членов со странами Африки, регулярно подчеркивая поддержку со стороны БРИКС африканского регионализма и быстро растущую экономи-

ческую взаимозависимость континента и участников группы [Atif, Akbar, 2019]. Практически ежегодное участие нескольких африканских стран (помимо ЮАР) в формате БРИКС+ и появление возможностей доступа к финансированию со стороны Нового банка развития еще более укрепляет позитивное восприятие партнерства с БРИКС (а значит, и с Россией) в африканском общественном мнении. Для России же в контексте ее противостояния западному санкционному прессингу приоритетным становится создание независимой платежной системы БРИКС и ее использование для торговли с другими странами Глобального Юга.

Ожидаемое расширение состава БРИКС (с вероятным изменением названия группы) открывает новые возможности для африканских стран, из которых Египет (а в дальнейшем, скорее всего, Алжир и Нигерия) – наиболее вероятный кандидат на вступление в группу. Для России такое расширение было бы желательным в силу ряда причин, в числе которых – достаточно весомой представляется дальнейшее укрепление партнерства с африканскими странами, неопосредованное подконтрольными Западу структурами и форматами многостороннего сотрудничества. Важным результатом последнего будет увеличение зоны близости взглядов и интересов незападных акторов мирового порядка в отношении путей его трансформации.

Продовольственная безопасность как ключевой элемент диалога Россия – Африка

В контексте СВО особенно актуальным становится интенсивный диалог между Россией и другими незападными странами по вопросам содействия

развитию и продовольственной безопасности. Нет сомнений, что происходящее в настоящий момент усугубление глобального продовольственного кризиса напрямую будет воздействовать на российско-африканские отношения. Стремясь подорвать партнерство России со странами Глобального Юга, представители США и ЕС настаивают, что основной причиной продовольственного кризиса является «российское вторжение на Украину» [McDonough, Zhou, 2022; Lu, 2022]. При этом более фундаментальные причины, связанные с антикризисными экономическими мерами США и ЕС в период пандемии COVID-19, нарушением цепочек поставок и каналов сбыта сельхозпродукции в этот же период, а также климатическими изменениями, со знанием ранжируются как второстепенные по сравнению с военными действиями на Украине.

Эффективность прямого и открытого диалога по вопросам продовольственной безопасности убедительно подтвердила встреча президента Российской Федерации В.В. Путина с председателем Африканского союза, президентом Сенегала М. Саллом 3 июня 2022 г. в Сочи. Лидер Африканского союза продемонстрировал понимание основных аргументов Москвы и призвал к снятию тех антироссийских санкций, которые препятствуют поставкам из России минеральных удобрений, пшеницы и других зерновых культур [Ndebele, 2022]. Не менее показательно, что руководство Африканского союза длительное время воздерживалось от положительного ответа на запрос президента Украины выступить онлайн перед главами входящих в это объединение государств. Когда же вы-

ступление все-таки состоялось, выяснилось, что всего лишь четверо африканских руководителей слушали его в прямом эфире².

Позиция стран Африки способствовала заключению в июле 2022 г. зерновой сделки, достигнутой при посредничестве Турции. Сама сделка важна не только в плане разблокировки поставок зерна из Северного Причерноморья на мировой рынок и облегчения условий экспорта российского зерна и удобрений, но также для понимания возможностей и пределов компромисса между враждующими сторонами (к одной из них, помимо контролируемой киевским режимом большей части Украины, безусловно относится коллективный Запад). Пойдя на заключение сделки, Россия не только продемонстрировала добрую волю, но и получила в свои руки рычаг давления, которым при наступлении соответствующих обстоятельств она может воспользоваться [Прокопенко, 2022]. В начале осени 2022 г. этот рычаг уже начал использоваться на уровне политической риторики, в числе важных адресатов которой были страны Глобального Юга. В частности, заявление президента России В.В. Путина о том, что лишь меньшая часть поставок украинского зерна направляется в остро нуждающиеся в нем страны, а большая – разгружается в портах стран ЕС, подчеркивает, что для одной из сторон сделки нужды Глобального Юга были лишь разменной монетой. На деле приоритетными оказываются интересы Европы, пострадавшей от неурожая из-за рекордной засухи, а сами поставки становятся способом расплаты за оружие, направленное Западом киевскому режиму. Тем самым зерновая сделка ока-

2 Hochet-Bodin N. Volodymyr Zelensky tente d'arracher le soutien de l'Union africaine en faveur de l'Ukraine // Le Monde. – 2022. – 21 Juin. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/06/21/volodymyr-zelensky-tente-d-arracher-le-soutien-de-l-union-africaine_6131342_3212.html (дата обращения: 15.09.2022).

зывается не прологом к комплексному урегулированию конфликта, а чем-то вроде топлива, регулярно подбрасываемого в очаг войны. Фактическое торможение другой части сделки, связанной с облегчением возможностей торговли российскими удобрениями и зерновыми культурами, также становится аргументом, значимым для оценки ситуации странами, охваченными голодом или находящимися на его пороге.

Решение руководства России о возможности бесплатной передачи развивающимся странам 300 тыс. тонн калийных удобрений, заблокированных в портах балтийских стран, дополнительно высвечивает расхождение в интересах и целях между возглавляемым США блоком, ужесточающим и расширяющим санкционные режимы, и странами Глобального Юга. Реакция руководства ЕС на эту инициативу прояснит возможность и целесообразность дальнейших шагов со стороны Москвы, целью которых станет раскрытие подлинной сути западных санкций, их несоответствия международному праву и интересам большинства человечества.

Hard, soft и sharp power в «вагнеровской» манере

Сегодня в пользу России работает ее весьма устойчивое восприятие в африканском общественном мнении как наследника советской сверхдержавы, сыгравшей огромную роль в поддержке борьбы за освобождение Африки от колониального гнета, укреплении государственной независимости, развитии индустрии и социально-экономической инфраструктуры многих стран континента, формировании прослойки квалифицированных национальных кадров в гражданской и военных сферах. В Африке помнят о готовности СССР предпринять вооруженное вме-

шательство, не исключаяющее и применение атомного оружия, в ходе Суэцкого кризиса 1956–1957 гг., исход которого оказал важнейшее влияние на процессы деколонизации во всем мире. Вовлеченность СССР в конфликт между Сомали и Эфиопией в Огадене, войны в Анголе и Мозамбике, существенное воздействие на динамику других вооруженных конфликтов на Африканском континенте создали Москве репутацию глобального игрока, готового для реализации собственных идеологических установок и расширения сферы политического влияния проецировать на континент свою военную мощь.

Драматические изменения 1990-х годов, когда ельцинская Россия отказалась от попыток удержать советскую сферу влияния в Африке и реализовывать там особый политико-идеологический проект, не означали аннигиляции российского присутствия в макрорегионе как одного из крупнейших поставщиков вооружений. Более того, быстро перейдя от идеологической ангажированности к индифферентности в отношении качества политических институтов и демократии в странах – покупателях вооружений, Россия сумела удержать за собой такие крупные рынки вооружений, как, например, Алжир, и в то же время использовать новые возможности там, где прежде СССР не проявлял активности. России удалось занимать освобождавшиеся ниши на африканских рынках вооружений, когда США начинали увязывать поставки военной техники с соблюдением прав человека или иными политическими условиями, как было в случаях с Египтом (2013 г.) и Нигерией (2014 г.).

Успешное военное вмешательство Москвы в Сирии на стороне режима Б. Асада способствовало тому, что всё большее количество африканских правительств начали рассматривать Россию в качестве партнера, способного

оказать весьма эффективную и многоплановую поддержку в борьбе с исламским фундаментализмом и/или сепаратизмом. Помимо поставок оружия и направления военных советников, особенно эффективным и сравнительно малозатратным инструментом расширения политического и военного влияния России в различных регионах африканского континента с середины 2010-х годов стало привлечение частных военных компаний (ЧВК) для решения проблем безопасности. В западной литературе, а также в российских СМИ и блогосфере в первую очередь называют «Группу Вагнера», аффилированную с предпринимателем Е.В. Пригожиным. Нет оснований утверждать, что активность российских ЧВК в Африке ограничивается только «Группой Вагнера», но прежде всего с вагнеровцами принято связывать ускоренное расширение российского влияния на континенте в последние годы [Siegle, 2021]. Происходили не только расширение географии востребованности российских ЧВК (Центрально-Африканская Республика, Судан, Ливия, Мозамбик, Мали и т. д.), но, по сути, и геополитические сдвиги, обусловленные «исходом» части клиентов вагнеровцев из французской сферы влияния. Хотя последнее в незначительной степени объясняется стратегическими просчетами самого Парижа, являются основания для высокой оценки развертывания активности «группы Вагнера» в плане геополитической динамики.

Секрет успеха вагнеровцев в Африке западные аналитики связывают, во-первых, с «незрелостью» африканских элит, с которыми русским достаточно легко удается находить общий язык, избегая избыточных внутривнутриполитических требований; во-вторых, с готовностью руководства ЧВК вмешаться в критическую с точки зрения

безопасности ситуацию, обеспечив политическое (зачастую и физическое) выживание соответствующего лидера и его окружения в обмен на доступ к местным минеральным ресурсам [Siegle, 2021]. Вагнеровцы, не отягощая официальную Москву дополнительными формальными обязательствами, предлагают клиентам своеобразные «пакетные решения в поддержку режима» (*regime support packages*), варьирующиеся от обычной военной помощи до тщательно спланированных кампаний (дез)информационного воздействия [Security..., 2022].

Что касается информационных операций, то обвинения близких к Е.В. Пригожину структур в причастности к обеспечению электорального успеха Д. Трампа в 2016 г. [Ефременко, 2020] создали им беспрецедентную рекламу, очевидно, облегчающую возможности продвижения на рынках, находящихся вне полного контроля США и их союзников. Попытки визуализировать «галактику Евгения Пригожина» на географической карте, показывающие пересечение всего континента от побережья Киренаики до мыса Доброй Надежды едва ли не сплошной «вагнеровской» полосой [Laruelle, Lintonier, 2021, p. 322], и вовсе превращают Пригожина в мифическую фигуру, сопоставимую разве что с С. Родсом. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что речь идет о неомогенных видах активности, различающихся по своему масштабу, инструментарию, интенсивности и продолжительности действия. Очевидно, что «Группа Вагнера» использует инструменты информационного воздействия на общественное мнение в представляющих для нее интерес странах Африки, хотя конкретные примеры такого воздействия зачастую подтверждаются лишь косвенными данными и такими не всегда надежными методами,

как разведка по открытым источникам (*OSINT*).

Относительно более реалистичное объяснение деятельности «Группы Вагнера» и ее связи с продвижением интересов Кремля в странах Глобального Юга предлагают М. Ларюэль и К. Лимонье. Вслед за журналистом М. Галеотти они пишут об особой сфере предпринимательской активности, ориентированной на укрепление позиции России в разных частях мира. Речь в данном случае идет о возможностях извлечения прибыли и аккумуляции политико-символического капитала в процессе формирования «сетей российского влияния» за рубежом [Galeotti, 2019]. Среди различных категорий предпринимателей в этой сфере Ларюэль и Лимонье выделяют элитарную прослойку «магнатов» (*tycoons*), называя, впрочем, лишь два имени – Е.В. Пригожина и К.В. Малофеева. «Магнаты» не требуют для старта своей активности привлечения государственных средств – напротив, опираясь на близость к «вертикали власти», они решаются на рискованные вложения собственных средств в тех странах и регионах, где традиционные инструменты продвижения политических и экономических интересов государства оказываются малоэффективными и – почти во всех случаях – нерентабельными. Подобные инвестиции далеко не всегда оправдывают себя, но там, где удается добиться успеха и обеспечить влияние на политические, военные и экономические элиты соотствующей страны, они окупаются и за счет участия в прибыли от разработки местных ресурсов, и за счет новых преференций внутри России [Laruelle, Limonier, 2021]. Слабой стороной анализа Ларюэль и Лимонье можно считать попытку сформировать из этих двух предпринимателей особый кластер, игнорируя наличие у каждого

из них сильных немонетарных мотиваций, обеспечивающих им особые позиции в среде российской политико-экономической и силовой элиты.

Тем не менее такая модель продвижения российских интересов способствует развитию военно-технического сотрудничества России со странами, где разворачивается активность условных вагнеровцев, продвижению на высокорискованные рынки российских топливно-энергетических, сырьевых и технологических компаний, расширению конструктивного политического диалога на межгосударственном уровне. В частности, только в период 2017–2019 гг. Россия заключила с африканскими странами 19 соглашений о развитии ВТС; показательно, что даже в период проведения СВО резко возросшее давление США, направленное на блокировку практически всех связей африканских стран с Россией, не смогло воспрепятствовать достижению соглашений о сотрудничестве в области подготовки военных кадров и обмена информацией, которые Москва заключила с Мадагаскаром и Камеруном.

Особняком стоит вопрос о том, может ли стать появление российских ЧВК в той или иной стране прологом к военному присутствию России как государства. Первичной здесь является оценка целесообразности и цены такого присутствия с учетом стратегической важности региона. Существенным является и понимание российских возможностей длительного время проецировать военную силу на столь значительное расстояние от национальных границ. Фактически же речь идет о договоренностях с руководством Судана, позволяющих использовать красноморский Порт-Судан в качестве российской военно-морской базы на условиях аренды сроком на 25 лет. Наличие такой базы дало бы возможность установить присутствие в точке, рас-

положенной близости от стратегически важной линии коммерческих и военных коммуникаций через Суэцкий канал (с другой его стороны аналогичную функцию для России выполняют сирийские морские порты) и Баб-эль-Мандебский пролив.

Судя по многочисленным сообщениям, свой вклад в подготовку этих договоренностей внесли представители «Группы Вагнера» благодаря тесным контактам с президентом Судана О. аль-Баширом, а после свержения последнего в 2019 г. – с новым фактическим лидером страны генералом А.Ф. аль-Бурханом. Однако договоренности не финализированы; под нарастающим американским давлением суданское руководство использует тактику оттяжек, позволяющую представителям разведывательного сообщества США сделать вывод, что Москва так и не получит доступа к Красному морю [Mackinnon, Gramer, Detsch, 2022]. Впрочем, окончательное решение Хартум будет принимать, скорее всего, исходя из оценки результатов СВО. Равным образом и другие африканские страны будут принимать решения о дальнейшем развитии ВТС с Россией, учитывая степень успешности или неуспешности самой спецоперации, эффективности российского ВПК в целом и конкретных типов вооружения в частности. «Группа Вагнера» отчасти может претендовать на эксклюзивную оценку, уже продемонстрировав в ходе СВО очень высокий уровень боеспособности и накопив боевой опыт, которого не имеет никакая другая ЧВК, включая американские и британские. Метафорически можно сказать, что у вагнеровцев вполне достаточно оснований называть себя «лучшими в аду»³.

Формирование общего дискурсивного пространства

Анализ показывает, что на африканском континенте Россия имеет достаточно оснований рассчитывать на конструктивный диалог и понимание мотивов ее действий. Причем речь идет как о влиятельных элитах, так и о более широкой аудитории. В этом плане представляет интерес аналитический материал, опубликованный на сайте Бруклинского института в июне 2022 г. [Blankenship, Ordu, 2022]. Его авторы проанализировали более 2,5 млн сообщений в Твиттере⁴ в период с 14 февраля по 9 июня, посвященных военным действиям на Украине, авторы которых находились в Африке либо явным образом с ней связаны. Для обработки сообщений использовался инструментарий *Twarc* (<https://twarc-project.readthedocs.io/en/latest/>). Задача исследования состояла в том, чтобы выявить влияние основных российских нарративов, распространяющихся по всему африканскому континенту. Несмотря на нескрываемую предвзятость, авторы работы показали, что контент существенной части твитов (около 200 тыс.) за февраль–март был не в пользу Украины и позиции Запада. В частности, создатели этих сообщений фокусировали внимание на положении обучавшихся в украинских вузах африканских студентов, трудности с эвакуацией которых в страны ЕС они связывали с плохо скрываемым расизмом властей Украины и их западных партнеров. Кроме того, в большом количестве твитов проводились параллели с текущей ситуацией или историческим прошлым африканского континента, стран Ближнего и Среднего Востока. Комментируя

3 Название блокбастера, одним из продюсеров которого выступает Е.В. Пригожин. Выход фильма на экран состоялся осенью 2022 г.

4 Заблокирован на территории РФ с 4 марта 2022 г.

освещение Западом событий на Украине, авторы твитов указывали, что конфликты в Ливии, Йемене, Афганистане и – особенно – военные действия и гуманитарная катастрофа в Тьграе (Эфиопия) были европейским и американским общественным мнением практически проигнорированы. Во многих сообщениях подчеркивалось, что Россия, в отличие от ключевых стран Запада, не запятнала себя как колониальная держава и как страна, в которой осуществлялось порабощение по расовому признаку. В то же время США и Европейский союз продолжают неоколониалистские практики, осуществляя экономический грабёж Африки. В отношении России они стремятся действовать аналогичным образом, намеренно игнорируя законные интересы ее безопасности, что в конечном счете и привело к перерастанию украинского кризиса в военное противостояние.

Очевидно, что постоянно растущая интернет-аудитория в африканских странах достаточно восприимчива к источникам информации, альтернативным западным. Важно, чтобы при подаче информации учитывались интересы, озабоченности и даже особенности эмоционального восприятия этой аудитории. В то же время критический настрой многих африканцев в отношении политики Запада и особенно бывших колониальных держав не дает гарантий успеха незападным источникам информации. Многие зависят от конкретных обстоятельств и подачи материала. Так, в частности, восприятие проблематики продовольственной безопасности африканских стран в контексте СВО складывалось не в пользу российской позиции: в среднем лишь один из каждых десяти твитов увязывал обострение продовольственного кризиса с западными санкциями, тогда как большинство сообщений содержали критицизм в от-

ношении действий России [*Blankenship, Ordu, 2022*].

Если оценивать западную аналитику информационной работы в Африке различных российских акторов как достаточно реалистичную, то соотношение «цена/эффективность» многих информационных мероприятий выглядит вполне благоприятным. Однако дело здесь не только в умеренных затратах по привлечению к таким мероприятиям местных журналистов и блогеров, но и в объективной совместимости политических дискурсов и интересов России и стран Глобального Юга. Признание в качестве высших политических ценностей независимости, недопущения внешнего диктата, экономической справедливости и культурного суверенитета является общей платформой, на которой можно выстраивать более детализированную модель позиционирования различных государственных акторов в рамках изменяющегося мирового порядка. В числе российских негосударственных инициатив, нацеленных на выстраивание с Глобальным Югом общих пространств политического дискурса в сочетании с реализацией экономических программ, следует, в частности, назвать создание Международного агентства суверенного развития (*IASD*), председателем наблюдательного совета которого является К.В. Малофеев. По его словам, агентство не просто стремится проложить путь в Африку и другие страны Глобального Юга российским инвестициям, но и содействовать росту национального благосостояния развивающихся стран путем укрепления их суверенитета, обеспечения возможностей проведения ими независимой внутренней и внешней политики. Конкретно речь идет о создании альтернатив кабальному кредитованию со стороны международных финансовых институтов, сопровождаемому жест-

кими требованиями политического и социально-экономического характера; реструктуризации на более выгодных условиях суверенного долга развивающихся стран; консолидации активов крупных африканских государственных и частных компаний в руках африканцев; содействии государствам Африки в создании собственных операторов по разработке минерально-сырьевых ресурсов и преодолении монополизации этой сферы западными ТНК; борьбе с санкционными практиками западных держав; содействию в преодолении дефицита отраслевой экспертизы и трансфере технологий [Малюфеев, 2019].

Данная программа, заявленная еще в канун первого саммита Россия – Африка, полностью сохраняет свою актуальность и сегодня, но при этом российские инвестиционные возможности в условиях СВО и жесточайших санкций со стороны Запада резко сужены. Ее осуществление возможно при условии координации усилий на континенте наиболее крупных незападных акторов, по крайней мере, России и Китая, которые до сих пор реализовывали свои африканские стратегии независимо друг от друга. Сама возможность такой координации обсуждалась российскими и китайскими экспертами еще до начала СВО [China – Russia..., 2021], но в условиях эскалации глобальной напряженности, связанной как с военными действиями на Украине, так и с нарастающим давлением США на Китай по тайваньскому вопросу, шансы на переход к частичному согласованию стратегий Москвы и Пекина в различных регионах мира начинают возрастать. Помимо координации конкретных шагов, возрастает потребность в формировании общего политического языка, широкого концептуального видения глобальных процессов, включающего и африканские антиколони-

альные нарративы, и российское неприятие однополярного мира, и китайскую идею сообщества единой судьбы человечества (人類命運共同體).

Как представляется, одной из предпосылок создания общего дискурсивного пространства является наличие институционального формата устойчивого диалога России, Китая, Индии, других стран Азии, Океании, Африки и Латинской Америки. БРИКС и БРИКС+, ШОС, инициатива «Один пояс – один путь», экономические механизмы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, саммиты Китай – Африка и Россия – Африка очень важны в плане поддержки политического диалога, но по отдельности ни один из этих форматов не является в полной мере инклюзивным.

Сближение политических дискурсов России и стран Глобального Юга в содержательном плане также требует серьезных усилий. В частности, здесь следует обратить внимание на растущее неприятие в России леволиберального идеологического симбиоза, включающего в себя не только феминизм и пропаганду ценностей ЛБГТ, но также постколониальные исследования и критическую расовую теорию [Лукин, 2021]. В данном случае следует идентифицировать существенные различия между этим идеологическим конструктом, сформировавшимся в кампусах американских и западноевропейских университетов, и оригинальными интерпретациями наследия колониализма, расизма и империализма в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Не менее важно и преодоление политико-идеологической всеядности, когда под аккомпанемент критики Запада начинается заигрывание с носителями установок ксенофобии и ненависти к мигрантам из развивающихся стран.

Безусловно, один из самых болезненных вопросов – уровень экспертизы

по Африке, предполагающий детальное знание отдельных стран, регионов и обществ, владение достаточным количеством специалистов местными, в том числе редкими, языками. Несмотря на продолжение после 1991 г. работы нескольких центров исследований макрорегиона и подготовки кадров с соответствующей специализацией (Институт Африки РАН, ИСАА МГУ, РУДН, МГИМО МИД РФ), сохраняется и даже обостряется проблема воспроизводства таких кадров и их языковой подготовки, в том числе в силу прекращения активности преподавателей некоторых редких африканских языков, начинавших свою деятельность еще в советские времена [Кузнецов, 2021]. Одним из возможных решений, особенно актуальным в условиях усиливающейся блокировки научно-образовательных обменов со странами Запада, видится значительное расширение практики направления на длительные стажировки в африканские университеты и научные центры российских аспирантов, молодых ученых и педагогов. Разумеется, этот процесс не должен быть односторонним, и, помимо развития студенческих обменов, важно привлечение в Россию африканских специалистов по общественным и гуманитарным наукам, в том числе с целью формирования новых центров компетенций по макрорегиону. Расширение количественного состава и качественного уровня такого рода центров является насущной задачей, решение которой позволит не только удовлетворять возрастающие потребности российских органов власти и экономических акторов в разносторонней информации и квалифицированном анализе, но и преодолевать известные издержки функционирования специализированных экспертных (эпистемных) сообществ, чьи представители подчас с неохотой расстают-

ся с монополией на экспертное суждение.

Наконец, стоит обратить внимание на расширение российского дипломатического присутствия в Африке. Не секрет, что длительная командировка в африканскую страну зачастую негласно рассматривалась как не самая благоприятная траектория дипломатической карьеры. Вместе с тем недавние массовые взаимные высылки дипломатов России и стран Запада, при всём деструктивном влиянии подобных акций на межгосударственные отношения, высветили и проблему избыточности персонала в российских диппредставительствах в некоторых «престижных» странах на фоне недостатка квалифицированных кадров в посольствах Российской Федерации даже в наиболее значимых государствах Азии, Африки и Латинской Америки. По крайней мере, можно ожидать, что после этой встряски заявленная приоритетность отношений с Глобальным Югом будет подкреплена усилением в количественном и качественном отношении российских загранучреждений в этих частях мира.

Заключение

Специальная военная операция многое изменила и еще больше изменит во взаимодействии России с африканскими государствами. И одной констатации того, что «Африка становится важнее», явно недостаточно для характеристики предполагаемого вектора изменений. Вполне очевидно, что на годы вперед основное внимание Москвы будет сфокусировано на Украине и – шире – всём западном фланге бывшего СССР. Даже если военные действия на Украине не приведут к повторению Карибского кризиса, поставившего мир на грань самоуничтожения,

конфронтация России и Запада надолго сохранит свой глобальный и почти тотальный характер. Именно в контексте последнего и будет возрастать для России значение африканского континента.

В зависимости от конкретных обстоятельств Москва может действовать разнонаправленно. Для России очень важно сохранить нейтралитет или даже получить политическую поддержку значительного количества африканских стран, оказывая содействие укреплению их суверенитета и региональной интеграции таким образом, чтобы при этом сокращалось влияние США и бывших колониальных метрополий на отдельные страны и макрорегион в целом. России, однако, придется действовать, используя ограниченные возможности. Ни о воссоздании советской сферы влияния, ни о масштабе вовлеченности, сопоставимом с вмешательством в гражданскую войну в Сирии, говорить не приходится. Как и в последние годы, могут быть использованы нетрадиционные механизмы и способы влияния, позволяющие добиваться существенных результатов при сравнительно скромном масштабе используемых ресурсов. Идеальным вариантом, вероятность которого пока представляется не очень высокой, была бы координация усилий и разделение труда с Китаем, который может предложить африканским странам кредиты и инвестиции в производство и инфраструктуру, а Россия – купирование части угроз безопасности, с которыми сталкиваются недостаточно стабильные режимы.

В то же время Москва могла бы считать для себя полезным развитием событий и кризисный сценарий, который привел бы к отвлечению внимания, сил и ресурсов США и/или бывших колониальных держав от украинского театра военных действий. Едва ли уместно рассуждать об искусственном

конструировании такого кризиса, особенно в условиях, когда во многих частях Африки сохраняются и даже обостряются межгосударственные противоречия, распространяются фундаменталистские течения, а экономические и экологические проблемы порождают всё новые волны миграции. Форсируя противостояние с Россией и Китаем, Запад подрывает саму возможность объединения усилий международного сообщества для решения наиболее острых африканских проблем и достижения действительно актуальных целей устойчивого развития. Одновременно происходит дестабилизация сырьевых и продовольственных рынков, в конечном счете – частичная деглобализация, погружающая страны и народы планеты в состояние глубокой неопределенности. Если же Россия сумеет завершить СВО не только военным успехом, но и укреплением статуса державы, предлагающей более справедливый мировой порядок, то впоследствии появятся основания рассчитывать и на реализацию полноценной стратегии Москвы в Африке, ориентированной уже не на достижение перевеса в навязанном Западом противоборстве, а на обеспечение потребностей и интересов большинства человечества.

Список литературы

Абрамова И., Фитуни Л. Стратегия России на африканском направлении: Что изменилось после саммита Россия – Африка 2019? // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 68–78. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78.

Ефременко Д.В. Глубокая заморозка американо-российских отношений // Феномен Трампа : монография / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – С. 549–560.

Кузнецов А.В. Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знания о зарубежных странах и регионах // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 6–25. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-1.

Лукин А.В. Право на безумие // *Россия в глобальной политике.* – 2021. – Т. 19, № 5. – С. 172–192. – DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-172-192.

Малофеев К.В. Россия для африканских стран является приоритетным партнером // *Росконгресс.* – 2019. – 15 октября. – URL: <https://roscongress.org/materials/konstantin-malofeev-rossiya-dlya-afrikanskikh-stran-yavlyayetsya-prioritetnym-partnerom/> (дата обращения: 15.09.2022).

Маслов А.А., Суслов Д.В. Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // *Россия в глобальной политике.* – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 130–148. – DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-130-148.

Прокопенко А. Почему Россия согласилась разблокировать украинский экспорт зерна // *Carnegie Endowment for International Peace.* – 2022. – 25 июля. – URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87559> (дата обращения: 15.09.2022).

Atif M., Akbar M. BRICS and African Region Partnership: Challenges and Opportunities // *Global Political Review.* – 2019. – Vol. IV, no. IV. – P. 59–69. – DOI: 10.31703/gpr.2019(IV-IV).07.

Blankenship M., Ordu A.U. Russia's Narratives about Its Invasion of Ukraine are Lingering in Africa // *Brookings.* – 2022. – June 27. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/06/27/russias-narratives-about-its-invasion-of-ukraine-are-lingering-in-africa/> (дата обращения: 12.12.2022).

China – Russia Bilateral Cooperation in Africa / Kortunov A. [et al.] ; Russian International Affairs Council (RIAC), In-

stitute of International and Strategic Studies of Peking University. – Moscow : NPMP RIAC, 2021. – 64 p.

Galeotti M. *Russian Political Warfare: Moving beyond the Hybrid.* – London : Routledge, 2019. – 136 p.

Laruelle M., Limonier K. Beyond “Hybrid Warfare”: A Digital Exploration of Russia's Entrepreneurs of Influence // *Post-Soviet Affairs.* – 2021. – Vol. 37, no. 4. – P. 318–335. – DOI: 10.1080/1060586X.2021.1936409.

Lu C. Russia's Invasion Unleashes ‘Perfect Storm’ in Global Agriculture // *Foreign Policy.* – 2022. – March 24. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/03/24/russia-war-ukraine-food-crisis-wheat-fertilizer/> (дата обращения: 15.09.2022).

Mackinnon A., Gramer R., Detsch J. Russia's Dreams of a Red Sea Naval Base Are Scuttled – for Now // *Foreign Policy.* – 2022. – July 15. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/15/russia-sudan-putin-east-africa-port-red-sea-naval-base-scuttled/> (дата обращения: 15.09.2022).

McDonough S., Zhou Y. What the Russian Invasion of Ukraine Could Mean for Global Hunger // *Vox.* – 2022. – February 27. – URL: <https://www.vox.com/future-perfect/2022/2/27/22950805/russia-ukraine-food-prices-hunger-invasion-war> (дата обращения: 15.09.2022).

Ndebele L. Sanctions Don't Stop Russia from Selling Grain to Africa – US // *News24.* – 2022. – June 10. – URL: <https://www.news24.com/news24/africa/news/sanctions-dont-stop-russia-from-selling-grain-to-africa-us-20220610> (дата обращения: 15.09.2022).

Security, Soft Power and Regime Support: Spheres of Russian Influence in Africa / El-Badawy E., Munasinghe S., Burkarti A.B., Bianchi B. // *Tony Blair Institute for Global Change.* – 2022. – March 23. – 33 p. – URL: <https://institute.global/policy/security-soft-power-and-regime-support-spheres-russian-influence-africa> (дата обращения: 18.09.2022).

Siegle J. Russia and Africa: Expanding Influence and Instability / Herd G.P. (ed.). Russia's Global Reach: a Security and Statecraft Assessment. – Garmisch-Partenkirchen : George C. Marshall European Center for Security Studies, 2021. – P. 80–90.

Stent A. It's Back to the Future for U.S. Grand Strategy // Foreign Policy. – 2022. – September 2. – URL: [\[gy-ukraine-russia-china-geopolitics-superpower-conflict/#full-list\]\(https://foreignpolicy.com/2022/09/02/us-grand-strategy-ukraine-russia-china-geopolitics-superpower-conflict/#full-list\) \(дата обращения: 05.09.2022\).](https://foreignpolicy.com/2022/09/02/us-grand-strate-</p></div><div data-bbox=)

Stremlau J. African countries showed disunity in UN votes on Russia: South Africa's role was pivotal // The Conversation. – 2022. – April 8. – URL: <https://theconversation.com/african-countries-showed-disunity-in-un-votes-on-russia-south-africas-role-was-pivotal-180799> (дата обращения: 05.09.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Russia's Relations with African Countries in the Light of the Special Military Operation in Ukraine

Dmitry V. EFREMENKO

DSc in Politics, Deputy Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: efdv2015@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-472X

CITATION: Efremenko D.V. (2022). Russia's Relations with African Countries in the Light of the Special Military Operation in Ukraine. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 60–78 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04

Received: 24.09.2022.

Revised: 28.11.2022.

ABSTRACT. *The article analyzes the changes in Russia's relations with African countries caused by the special military operation (SMO) in Ukraine. From the mid-2010s until the beginning of the SMO, these relations were strengthened, which became especially noticeable after the Russia-Africa summit (2019). In addition to the growth of trade and the expansion of military-technical cooperation, a new significant factor in the Russian presence in Africa was the deployment of the activity of private military companies (the "Wagner Group"). In the context of the SMO, cooperation with African states in the areas of trade and economy will go through a stage of painful transformation caused by Western sanctions. A key issue is food security and famine prevention in many countries of the Global South. The modalities of the Russian presence on the African continent will inevitably be determined by the general confrontation between Russia and the countries of the West. In the longer term, African countries may become*

the beneficiaries of the transformation of the US-centric world order, sufficiently accelerated by the SMO.

KEYWORDS: *Africa, global South, special military operation, transformation of the world order, trade and economic relations, food security, private military companies, information influence, military-technical cooperation.*

References

Abramova I., Fituni L. (2021). Russia's Strategy in the African Direction: What Has Changed Since the Russia-Africa Summit 2019? *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 12, pp. 68–78 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78.

Atif M., Akbar M. (2019). BRICS and African Region Partnership: Challenges and Opportunities. *Global Political Review*,

vol. IV, no. IV, pp. 59–69. DOI: 10.31703/gpr.2019(IV-IV).07.

Blankenship M., Ordu A.U. (2022). Russia's Narratives about Its Invasion of Ukraine are Lingering in Africa. *Brookings*, June 27. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/06/27/russias-narratives-about-its-invasion-of-ukraine-are-lingering-in-africa/>, accessed 12.12.2022.

Efremenko D.V. (2020). A Deep Freeze in US-Russia Relations. In: Kuznetsov A.V. (ed.). *The Trump Phenomenon: Monograph*. Moscow : INION RAN, pp. 549–560 (in Russian).

Galeotti M. (2019). *Russian Political Warfare: Moving beyond the Hybrid*. London: Routledge.

Kortunov et al. (2021). China – Russia Bilateral Cooperation in Africa. Report No 66/2021 // *Russian International Affairs Council (RIAC), Institute of International and Strategic Studies of Peking University*. Moscow: NPMP RIAC.

Kuznetsov A.V. (2021). The Crisis of Country Studies in Russia amid the Growing Demand for Knowledge about Foreign Countries and Regions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 6, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-1.

Laruelle M., Limonier K. (2021). Beyond “Hybrid Warfare”: A Digital Exploration of Russia's Entrepreneurs of Influence. *Post-Soviet Affairs*, vol. 37, no. 4, pp. 318–335. DOI: 10.1080/1060586X.2021.1936409.

Lu C. (2022). Russia's Invasion Unleashes 'Perfect Storm' in Global Agriculture. *Foreign Policy*, March 24. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/03/24/russia-war-ukraine-food-crisis-wheat-fertilizer/>, accessed 15.09.2022.

Lukin A.V. (2021). The Right to Insanity. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 5, pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-172-192.

Mackinnon A., Gramer R., Detsch J. (2022). Russia's Dreams of a Red Sea Naval Base Are Scuttled – for Now. *Foreign Policy*, July 15. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/07/15/russia-sudan-putin-east-africa-port-red-sea-naval-base-scuttled/>, accessed 15.09.2022.

Malofeev K.V. (2019). Russia is a Priority Partner for African Countries. *Ros-kongress*, October 15. Available at: <https://roscongress.org/materials/konstantin-malofeev-rossiya-dlya-afrikanski-kh-stran-yavlyaetsya-prioritetnym-partnerom/>, accessed 15.09.2022 (in Russian).

Maslov A.A., Suslov D.V. (2022). Return to Africa: How to Make It a Russian Priority. *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 1, pp. 130–148 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-130-148.

McDonough S., Zhou Y. (2022). What the Russian Invasion of Ukraine Could Mean for Global Hunger. *Vox*, February 27. Available at: <https://www.vox.com/future-perfect/2022/2/27/22950805/russia-ukraine-food-prices-hunger-invasion-war>, accessed 15.09.2022.

Ndebele L. (2022). Sanctions Don't Stop Russia from Selling Grain to Africa – US. *News24*, June 10. Available at: <https://www.news24.com/news24/africa/news/sanctions-dont-stop-russia-from-selling-grain-to-africa-us-20220610>, accessed 15.09.2022.

Prokopenko A. (2022). What's in the Ukraine Grain Deal for Russia? *Carnegie Endowment for International Peace*, July 25. Available at: <https://carnegieendowment.org/politika/87559>, accessed 15.09.2022 (in Russian).

Security, Soft Power and Regime Support: Spheres of Russian Influence in Africa (2022) / El-Badawy E., Munasinghe S., Bukarti A.B., Bianchi B. *Tony Blair Institute for Global Change*, March 23, 33 pp. Available at: <https://institute.global/policy/security-soft-power-and-regime-support-spheres-russian-influence-africa>, accessed 18.09.2022.

Siegle J. (2021). Russia and Africa: Expanding Influence and Instability. Herd G.P. (ed.). *Russia's Global Reach: a Security and Statecraft Assessment*. Garmisch-Partenkirchen: George C. Marshall European Center for Security Studies, pp. 80–90.

Stent A. (2022). It's Back to the Future for U.S. Grand Strategy. *Foreign Policy*, September 2. Available at: <https://foreign-policy.com/2022/09/02/us-grand-strategy-ukraine-russia-china-geopolitics-superpower-conflict/#full-list>, accessed 05.09.2022.

Stent A. (2022). It's Back to the Future for U.S. Grand Strategy. *Foreign Policy*, September 2. Available at: <https://foreign-policy.com/2022/09/02/us-grand-strategy-ukraine-russia-china-geopolitics-superpower-conflict/#full-list>, accessed 05.09.2022.

Stremlau J. (2022). African Countries Showed Disunity in UN Votes on Russia: South Africa's Role Was Pivotal. *The Conversation*, April 8. Available at: <https://theconversation.com/african-countries-showed-disunity-in-un-votes-on-russia-south-africas-role-was-pivotal-180799>, accessed 05.09.2022.